

СОДЕРЖАНИЕ

1. История чертовщины	7
Древнее чародейство и новейший спиритизм	7
О самопроизвольных медиумических явлениях	32
Тедуёрский барабанщик	33
Славенсикский замок	51
Мери Джобсон.....	52
2. Русская Чертовщина	55
Дело Харьковского уездного суда о явлениях в квартире капитана Жандаченко 1853–1856 г.....	55
Документ № 1	55
Документ № 2	56
Документ № 3	56
Документ № 4	57
Самопроизвольные медиумические явления на хуторе А.В. Шапова (в Уральской области), в 1870–1871 гг. Статья А.В. Шапова.....	62
Самопроизвольные медиумические явления в русской крестьянской избе («Ребусь», 1889 г., стр. 188).....	97
Заключительный обзор.....	104
3. Европейская чертовщина	121
Загадочные явления в Швейцарии 1860–1862 г.....	121
Личные наблюдения М. Йоллера, бывшего члена народного собрания в Штансе, в кантоне Унтервальден	121
Предисловие.....	121
Самопроизвольные медиумические явления в 1852 г., в Бергцаберне, в Баварском Пфальце	177
Предисловие.....	177
Самопроизвольные медиумические явления в Сидевиле, во Франции, в 1850–1851 гг.	199
Самопроизвольные медиумические явления в 1767 г. в Диббесдорфе, в Германии.....	213
Самопроизвольные медиумические явления в доме Самуила Уэслея, в Эпьюорсе, в 1716 и 1717 гг.....	227
I. Дневник Самуила Уэслея	227
II. Письма членов семьи С. Уэслея	234
III. Записка Джона Уэслея	246

Показание, данное Джону Уэслею его матерью. 27-го августа 1726 г.	253
Показание, данное Джону Уэслею его сестрой Эмилией.....	255
Показание, данное Джону Уэслею его сестрой Молли. 27-го августа	256
Показание, данное Джону Уэслею его сестрой Секки.....	258
Показание, данное Джону Уэслею его сестрой Нэнси. 10-го сентября 1726 года.....	259
Показание, данное Джону Уэслею приходским священником м-м Гулем. 16-го сентября.	260
Показание, данное Джону Уэслею Робертом Брауном....	261
Итог, подведенный Джоном Уэслеем своему расследованию над явлениями, происходившими в доме его отца, в Эпьюорсе	262
Примечание.....	263
Случай Анжелики Коттен	265
Самопроизвольные медиумические явления в семействе Фоксов, в Гайдсвиле, Северной Америке, в 1848 г.....	267
Подтверждение реальности медиумических явлений экспериментальным путём	271
Как возникла миланская комиссия («Ребусь» 1892 г. № 49) ...	275
Отчет комиссии, собравшейся в Милане, в 1892 году, для опытов и наблюдений над явлениями, вызываемыми Евзипией Паладино.....	280
I. Явления, наблюдавшиеся при свете	283
II. Явления, наблюдавшиеся в темноте	295
III. Явления, доселе наблюдавшиеся в темноте, полученные наконец при свете и с медиумом в виду	305
4. Теория и практика спиритизма	309
Оракул-сомнамбула.....	310
Вертящиеся столы	320
Теория действия духа и медиума.....	322
Видимые духи и привидения.....	324
Свойства медиумов.....	325
Заседание у г. Юма Ст. М.П. Погодина	329
Теория всемирной жидкости, разлитой в природе.....	335
Стучащиеся духи, вертящиеся и говорящие столы.....	343
Шкаф духов.....	351

Психокинез.....	356
Связывание и развязывание.....	357
Спиритические сеансы ложные и настоящие	363
Материализация духов	379
Телепатические явления	389
О ясновидении и его возможностях.....	394
Магические чудеса	411
Приносы, относы и перемещения	439
О левитации и иных чудесах духовидцев	447
Психургия и Высшая Магия	463
5. Приложения.....	473
Некоторые подробности о m-elle Смит и ея Марсовском романе	473
Встреча с ведьмой.....	476
Заклинания духов.....	479
1. Как вызвать магических Кошек	480
2. Заклинания духов общие.....	483
3. Заклинания Джиннов	487
4. Заклинания Фей.....	493

1. История чертовщины

ДРЕВНЕЕ ЧАРОДЕЙСТВО И НОВЕЙШИЙ СПИРИТИЗМ

*Спиритизм со своими проявлениями есть
входная дверь в область Магии, ни один человек
изучающий ее не может обойтись без него.*

Punar Bhava

Если-бы мы вздумали проследить историю спиритизма и отмечать спиритические феномены во всей истории человечества, то свое настоящее рассуждение нам-бы следовало начать индийскими и египетскими чародеями, пифийским оракулом и разного рода кудесниками, так как по словам даже самих спиритов, спиритизм не есть явление случайное или исключительное, принадлежащее только нашему времени, но универсальное и всеобщее, стоящее в неразрывной связи с историей всего человечества. «Спиритизм, говорят спириты, не представляет собою нового открытия; все свидетельствует, что он был известен древним, быть может, лучше даже, чем нам, но с тою лишь разницею, что в то время он был достоянием известной касты, в интересах которой было сохранять его втайне и поддерживать суеверие и невежество народа». Не отрицая медиумизма у чародеев и колдунов, настоящие наши спириты желают однако же указать между ними и собою некоторое различие, хотя, впрочем, не по существу, а лишь по степени. Во все времена, говорят они, существовали медиумы (от лат. Medium – середина, т.е. лица, которые могут служить

посредниками между духами и людьми) от природы и не сознававшие в себе этой способности, и так как под их влиянием происходили необычайные и непонятные явления, то они и обвинялись въ колдовстве и сношениях с дьяволом, в роде того, как подобным-же обвинениям подвергались и люди, познания которых стояли выше общего уровня. Таким образом древние «спиритисты», известные вообще под именем чародеев, волхвов, заклинателей, колдунов, и волшебников, по заявлению самих спиритов нашего времени, отличались от этих последних только тем, что они были медиумы эксплуатирующие и эксплуатируемые; в сущности-же они были такими же спиритами, как и спириты нашего времени. Однако, не в этом отличие вовсе, ибо древние маги знали куда больше о обладали способностями, о коих все эти Кардеки и спириты вместе взятые, и понятия ныне не имеют. Итак, великая ошибка поборников спиритизма состоит в том, что все явления, известные под этим общим именем, приписываются ими «духам». Самое слово спиритизм сбивает с толка. Оно должно быть заменено другим, более общим, не содержащим в себе никакой гипотезы, никакого учения, как например, слово медиумизм, иль уж оставить старое заклинание духов.

О Кардеке. Некто Ипполит Лео Денисарт Ривайль, известный, впрочем, более по своему анониму Аллан Кардек основал в Париже весьма многочисленную спиритическую общину, которая в течение двух десятилетий, т.е. до самой кончины Аллан Кардека, следовавшей в 1869 году, всегда слушала с благоговением своего «великого оракула и пророка». Аллан Кардеку, вместе с двумя его преданнейшими последователями и учениками Шапело и Грандом, первому принадлежит честь инициативы – дать спиритическому учению научную постановку, поддержать и защитить его от нападков и возражений со стороны здравого разума и провести его в сознание современного ему европейского общества. Задача эта была, впрочем, для него далеко не под силу, так как в действительности его спиритическое учение представляло собою престранную смесь католических догма-

тов, раввинских побасенок и позднейших чисто натуралистических спекуляций. Так, мы можем в нем встретить учение о переселении и предсуществовании человеческих душ, католический догмат о непорочном зачатии Пресвятой Девы и т.п. Мы, однако, не имеем ни времени, ни желания, более говорить о нём и отсылаем читателя к его книгам (Книга духов и Книга медиумов), коль ему есть охота и время на чтение подобного чтива, кое многие и в наше время именуют библией спиритов.

Из Европы спиритизм был, между прочими, занесен и к нам в Россию, где он также нашел для себя немало самых ревностных приверженцев и последователей, хотя и в то время русское общество увлекалось спиритизмом, собственно говоря, больше из одного любопытства. Впрочем, русское общество обязано своим спиритическим увлечением в особенности замечательному в своем роде чудодею – Юму. Личность эта довольно интересна; ея история показывает нам, как и при каких условиях, внутренних и внешних, совершается образование и возможное видоизменение спирита. Даниил Дуглас Юм, родом из Эдинбурга, воспитывался в Америке, у своей тетки. В детстве был слабого здоровья и нервного темперамента; рано обнаружил живое, увлекавшееся и пылкое воображение, склонное ко всему мистическому и к странным сказкам. У него был сверстник и друг Эдвин, также слабый и задумчивый. Оба с увлечением толковали о привидениях. По условию, заключенному между молодыми людьми, Эдвин явился Юму чрез три дня после своей смерти, когда этот был в трехстах милях от места смерти и могилы друга. Таким образом в 13 лет Юм был уже ясновидящим. По словам его, у него и мать была ясновидящая; она заранее предугадала о своей смерти и предупредила сына. Ей явилась умершая дочь ея, маленькая Мери, и, бросивши из руки одну за другой 4 лилии, дала этим понять матери, что она умрет чрез 4 месяца. Юм, живший у тетки, предчувствовал, что мать желает его видеть и в то же время получил от нея уведомление о явлении сестры; но при смерти матери он

не мог быть по болезни, и был извещен о ее смерти видением, получасом прежде самой телеграммы.

В комнате племянника – Юма, по-видимому, ни с того ни с сего, как казалось тетке, принялась трещать и ходить мебель, завертели столы, стали слышны звуки. Почтенная воспитательница Юма скоро к ужасу своему сообразила, что все эти странности – дело нечистой силы, с которою Юм вступил в сношения. После многих безуспешных увещаний, преусердно деланных племяннику, оставить недоброе занятие и страшное сообщество, набожная и напуганная тетка нечаянно вбежала в комнату, где творились чародейства, с молитвою крестила вертящийся стол, клала на него Библию, наконец, вскакивала и садилась на него сама и, к большому ужасу и негодованию старухи, стол вертелся как будто бы ещё легче, быстрее и грациознее. Затем следовало безуспешное увещание Юма тремя священниками разных исповеданий, которых приглашала тетка. Слава об Юме скоро разошлась почти по всей Америке. По словам самого Юма, день и ночь, осаждали его толпы посетителей разных сословий, люди светские и духовные, не ученые и ученые, священники и врачи, здоровые и больные. Между тем, вследствие разлада с теткой и с целью спиритической пропаганды, Юм перенес свою практику в Европу, объехал Англию, Италию, Францию, Голландию, Германию и Россию. В 1858 году он женился в Петербурге на сестре одной русской графини. Молодая госпожа Юм скоро была посвящена мужем в его спиритские тайны и предалась им с увлечением и искренно. Впрочем, 22 лет она умерла от легочной чахотки. Смерть была даже приятна доверчиво преданной спиритке. Умирая, она мечтала, как вернется на землю, и, прощаясь с подругою, советовала ей хорошо ощупать ее руку, чтобы потом было легче узнать ее, когда она предстанет из того мира. Действительно на сеансах Юма, какие делал он, разъезжая по Европе, присутствовавшие могли ощупывать руку являвшихся духов (т.е. душ умерших) – то влажную, теплую и нежную, то липкую и противную, чувствовали прикосновение духа к своим

коленам и плечам; рука духа подавала колокольчик клавшему руку под стол одному из присутствовавших; колокольчик звонил будто сам собою. Однажды рука такого-же духа сняла все кольца с рук присутствовавших и высыпала их на стол. Ответы духов были получаемы по первоначальному спиритскому способу посредством стука; бывали, впрочем, иногда и образные: после ответа, например, данного от духа посредством обращения к алфавиту: «мы (т.е. духи) желаем, чтобы вы верили в ...»; спрашивали, в кого? И, вместо ответа обыкновенным порядком, спрашивающий ощущал удар в колено, опускал руку и находил на колене крест, дополняющий смысл выше приведенной фразы или желания духов. Много и других эффектных вещей производил Юм в Европе: волшебные аккордеоны, поднятие себя на воздух к потолку, даже быстрые, без помощи естественных фармацевтических средств, исцеления и проч. Все его представления давались в одном привилегированном, аристократическом кругу, поздним вечером, при одном лунном свете и разве при полусвете лампы; наиболее поразительные вещи делал он, как скоро скрывалась луна. На сеансы допускались только «верующие», неверующих же тщательно удаляли, так как «духи с большим трудом действуют там, где встречают противное влияние, где живет дух скептицизма». Поэтому Юм, прежде сеанса, требовал обыкновенно список приглашенных и исключал всех несимпатичных духам. В особенности же духи отказывались действовать при ученых, «высокие качества которых обращаются против них самих на этом новом поприще, где материя действует за одно с духом». Цель своей практики сам Юм полагал в стремлении – «доказать спиритуальность и бессмертие души». Естественно, что такое его поведение заставило всех скептиков обвинить его в фокусничестве и шарлатанстве.

Основательно ли верование в общение с духами или нет – несомненно, что еще ни одному критику не удалось доказать несостоятельности тех показаний, на которые полагаются спириты и маги. Эти показания группируются на две опреде-

ленные категории; и в некоторых случаях лица, допускающие одну категорию фактов, отвергают всецело или отчасти факты, относящиеся к другой. Во-первых, нам предстоит рассмотреть некоторые формы бессознательной деятельности, проявляющейся в трансовой речи (зауми), автоматическом писании, созерцании видений, которые, хотя и могут быть легко подделаны, не связаны по необходимости или в типических случаях с обманом. На втором месте, как в историческом, так и в логическом порядке, стоят некоторые физические проявления. В позднейшем их развитии, они несомненно весьма походят на проделки фокусников, но столь же несомненно возникли впервые в присутствии и при посредстве личностей необразованных и неискусных, по большей части – малолетних детей, и при таких обстоятельствах, при которых гипотеза фокусничества представляет громадные трудности, как нравственные, так и физические. Поэтому, в сей книге мы рассмотрим и способы обмана спиритов.

Среди явлений, которые до 18-го столетия, обыкновенно считались признаками действия духов, наиболее достопримечательны те вспышки самопроизвольного транса, экстаза и «речи на разных языках», которые от времени до времени возникали в эпидемическом виде в религиозных общинах различных вероисповеданий. Одной из наиболее знаменитых эпидемий этого рода в сравнительно недавнее время была эпидемия среди Луденских монахинь-урсулинок, в 1632–4 гг. Луденский кюре Урбан Грандье был обвинен в грубой безнравственности; но потому ли что у него были могущественные друзья, или потому, что он был невинен, обвинителям его сперва не удалось добиться его осуждения. Но в 1632 г. в одном из городских монастырей – в котором Грандье безуспешно добивался получить место духовника – разразилась странная эпидемия. Некоторые из монахинь, в том числе и игуменья, стали подвергаться то сильным конвульсиям, то симптомам каталепсии, окоченелости, нечувствительности к боли и т.п. явлениям; или же, в состоянии экстаза, изрыгали всякого рода богохульства

и сквернословия. Естественно, что в то время оне считались околдованными и одержимыми; и действительно – бесы устами своих жертв заявляли о себе. Были произведены различные церковные и судебные следствия; и результатом их было то, что несчастный Грандье, на которого все одержимые указывали, как на виновника своих страданий, был сожжен живым в 1634 г. Наиболее интересная для настоящей нашей цели особенность этой эпидемии – та, что бесноватые, по ходившим о них рассказам, часто говорили на иностранных языках; а известно, что эта способность – один из четырех главных признаков демонического присутствия. Анонимный автор первой истории этой эпидемии столь же мало сомневается в реальности этого чуда, как и в вине Грандье. Последний ведь действительно использовал колдовство, хотя по мнению скептиков само по себе его деяние, естественно, не имеет к эпидемии никакого отношения, а одержимость монахинь есть ничто иное как религиозная истерия. Он приводит показание одного из докторов Сорбонны и других выдающихся лиц о том, что бесы понимали вопросы, предлагавшиеся им на латинском, греческом, турецком, испанском языках и языке краснокожих индейцев и т.д., а во многих случаях отвечали на тех же языках. Но он пишет не на основании сведений из первых рук; не приводит доказательств в пользу своих заявлений, и, во всяком случае, значение его свидетельства подрывается его богословскими предубеждениями.

Из значительно позднейшего сочинения, также анонимного и написанного с протестантской точки зрения, мы знакомимся с подробностями некоторых из самых допросов. Из них явствует, что некоторые из монахинь, в особенности же игуменья, действительно отвечали по латыни на делавшиеся им на этом языке замечания, но что ответы их часто бывали неправильны и давали повод присутствующим замечать, что демон плохо знаком с латинским языком. Так одна монахиня, в ответ на увещание: «Adora Deum tuum», ответила своему собеседнику: «Adoro te». В другой раз на вопрос: «Quoties» она от-

ветила так, как если бы вопрос был «quando», и воскликнула «Deus non volo», желая сказать: «Deus non vult». Или, если вопрос оказывался слишком трудным, она постоянно избегала ответа, восклицая «Nimia curiositas». Игуменья также уклонилась от ответа по-гречески на том основании, что между демоном и Грандье был уговор не говорить на этом языке. О других иностранных языках мы ничего не слышим. И всё сие явно в пользу скептиков. Принимать гипотезу позднейшего историка, что монахини были

подговорены врагами Грандье и плохо заучили преподанный им урок – по-видимому, нет необходимости; выказанное ими незначительное знание латинского языка, как то предполагает Бертран, могло быть усвоено ими, вследствие постоянного присутствия на церковных службах. Достойно внимания, что различные свидетели приписывали одержимым способность читать мысли присутствующих и отвечать на мысленные вопросы.

В начале 18-го века явления сходные, но приписывавшиеся самими субъектами небесному вдохновению, происходили в среде гонимых Севенских крестьян. Многие из них бежали в Англию, и в 1707 г. их рассказы были собраны и изданы в Лондоне. Симптомы этого эпидемического одержания в наиболее резких случаях были весьма схожи с теми, которые наблюдались среди Луденских монахинь, а именно: конвульсии, окоченелость, нечувствительность к боли и потеря сознания. Эти явления чередовались с экстатическим состоянием, в котором субъекты говорили свободно и авторитетно, как

бы по вдохновению, проповедуя о добрых делах, покаянии и спасении. Эти речи излагались обыкновенно на превосходном французском языке, между тем как для туземцев Северн французский язык до сих пор – язык чужестранный. Так, Жан Берне пишет, что мать его по вдохновению говорила в первый раз в жизни по-французски. Идиот-пастух выражался свободно на хорошем французском языке; один свидетель слышал даже, как четырнадцатимесячный ребенок говорил в колыбели и увещевал своих слушателей к покаянию. Как говорят, многие лица, не умевшие читать, приводили длинные отрывки из священного Писания, как будто знали наизусть Библию. Подобного рода явления, несомненно, следует объяснить – необыкновенным возбуждением памяти, которое часто сопутствует трансу.

Можно привести один пример. Вот выдержка из речи, произнесенной по вдохновению Ильею Марионом, неграмотным крестьянином, не умевшим в обыкновенном своем состоянии говорить по-французски:

«Во истину, дитя мое, я прихожу с тем, чтобы отплатить этим мерзостным городам, проливающим кровь детей моих; я вполне разрушу их в первый же день. Гнев ежедневно овладевает мною против этих народов, противящихся заповедям моим. Знай, что в руке моей – жезл, и что он не будет удален из нея, пока не поразит землю и ея мерзости всецело. Я отомщу за детей моих, за дело мое; будет отмщено за кровь вашу, дети мои; вы восстанете из праха, народ мой. Я воздвигну вас на престолы; силу свою я положу в Сионе. Знай, что я приду и сделаю из него вечное жилище свое чрез немного дней. Это – крепость вечного Бога твоего, который должен защитить народ свой от рук диавола мира. Чрез немного дней хищные птицы насытятся мерзостями земли; я предам им распутство мирское. Ужасно будет опустошение, которое произведут на земле исполнители моих велений. Знай, что будет ужасная резня. Кровь потечет со всех сторон, и никто не остановит ея. Земля должна опьянеть от нечистой крови мирской».

Предполагаемая способность чтения в человеческих сердцах проявлялась в особенности в открывании шпионов, часто присутствовавших на собраниях набожных жертв гонения. Подобные же явления наблюдались среди некоторых из почитателей янсенистского диакона Париса, толпившихся в 1730 г. и позднее вокруг его могилы и сделавшихся известными под именем Сен-Медарских конвульсионеров. Ими неоднократно обнаруживалась нечувствительность к боли, даже к ожогам, к сильным ударам и другого рода страданиям. Экстатика часто проповедовали по вдохновению и, по распространенным рассказам, говорили по-гречески, по латыни и на других языках, которым никогда не учились, а иногда и на языках неизвестных. Доказательства в пользу речи на узанных иностранных языках опять-таки неудовлетворительны; но, как кажется, не подлежит сомнению, что экстатика иногда издавали непонятные звуки, которые, по предположению присутствующих, представляли изречения на неизвестном языке.

Наиболее поучительная вспышка подобного рода произошла ровно сто лет спустя в Лондоне. Случаи «речи на разных языках» среди слушателей Эдуарда Эрвинга начались в 1831 году. По-видимому, сам Эрвинг в продолжении нескольких лет с верою ожидал излияния духовных даров, подобного тому, которое, по словам деяний апостольских, имело место среди первых христиан. Обострению этой веры и этого ожидания у него самого и у некоторых из главных его последователей способствовало внезапное возникновение в 1830 г. среди нескольких набожных шотландских крестьян «речи на разных языках» и по-видимому чудесных даров врачевания. В течение следующего года, в то время, когда пастору и его слушателям грозили серьезные затруднения церковного характера, он учредил у себя в церкви ряд богослужений в 6 ч. 30 м. утра, и на них изо-дня в день возносились молитвы о ниспослании чудесных даров, по мнению молящихся, обещанных Церкви. Наконец, в июле 1831 г. ожидание их осуществилось, и члены маленькой группы верующих стали, один за другим, говорить «на разных

языках». Правда, эти проявления самим Эрвингом были признаны за сверхъестественные, а тем более – за божественные не без колебания. Но видя, что говорящие – люди истинно верующие, ведущие честный и хороший образ жизни, и что речи их во всем согласуются с христианскою верою, которой придерживался сам Эрвинг, – он, после длившихся несколько недель сомнений и беспокойства, вполне поддался вере в эти речи. У нас имеется весьма подробный и поучительный рассказ об этом предмете, составленный Робертом Бэкстером, который разделял ожидания Эрвинга и сам достиг выдающегося положения среди «одаренных» лиц. При первых проявлениях Бэкстер не присутствовал, но слышал о них и почти убедился. Он прибыл в Лондон в декабре, был свидетелем действия новой силы в других и испытал ее сам. 29 декабря 1831 г. он пишет брату следующее:

«Будучи в Лондоне, я присутствовал на одном из собраний, на котором говорили г. Т. и мисс С.; первый говорил на каком-то языке, вторая пророчествовала. Пророчество касалось близости пришествия Господа нашего и укоряло тех, кто в точности о том не объявлял; высказано оно было в таком тоне и с такою энергией, которые вселили в душе моей убеждение, что тут было присутствие в силе Св. Духа. По мере того, как продолжалось пророчество, укорявшее в неверности тех, кто не объявлял о близости пришествия Господня, я нашел, что в совести моей обнажаются те же самые сомнения, которые беспокоили меня за последние шесть месяцев... действительно обнаружилась тайна моего сердца, о коих я никому не говорил; я почувствовал, что заслуживаю открытого порицания: следствием этого было то, что по щекам моим потекли слезы; и, так как скорбь души моей увеличивалась, я вынужден был скрыть свое лицо и, насколько мог, подавить свои стенания. Впрочем, продолжалось это только несколько минут, и тут влияние Духа нашло на меня с такою силою, что я вынужден был, как бы в агонии, просить о милости и прощении и о силе дать верное свидетельство. Однако, вопия таким образом, я в то же время ощу-

щал в себе способность к речи, увлекавшую меня за пределы естественного выражения моих чувств – Я сознавал, что речь моя – вынужденная, а не моя собственная; и сознавал силу и воздействие Духа, совершенно не поддающаяся выражению естественным путем. После этого я хранил молчание, но, хотя ум мой был спокоен, все тело мое конвульсивно содрогалось; и в течении более 10 минут я был как бы поражен параличом, причем члены мои дрожали, колени стучали одно о другое, а я ничего не выражал, а лишь издавал род конвульсивного вздоха. В течение этого промежутка времени я не ощущал ничего другого, кроме этого телесного волнения и невыразимого умственного гнета, который – хотя я оставался спокойным и сознавал все, что делал, – препятствовал мне говорить и не производил отчетливого впечатления, кроме желания молиться о познании воли Господней. Это желание увеличилось до того, что я вынужден был пасть на колени и закричать громким голосом: «Говори, Господи, ибо слуга твой слышит»; и я повторил эти слова много раз, до тех пор, пока та-же сила Духа, которую я ощущал раньше, не нашла на меня; и я вынужден был кричать с великою силою, как в голосе, так и в движениях, что следует объявить о пришествии Господнем и что вестники Господа должны разнести известие о том по горам и по холмам и сказать о том ветрам, дабы слышала это вся земля и дрожала пред Господом».

В течение нескольких следующих месяцев Бэкстер, много говорил под влиянием «силы». В этих речах, изложенных в весьма импонирующей форме, высказывались порицания, предупреждения, увещания или поощрения по адресу его слушателей; иногда он говорил на разных языках; по его словам, однажды, когда он сидел дома, «на него нашла могучая сила», и он стал произносить фразы на языках французском, латинском и многих, ему неизвестных; присутствовавшая при этом жена его признала некоторые из слов за итальянские или испанские. Часто «сила» руководила его поступками; заставляла его внезапно покидать собрание или отказываться от из-

вестного образа действий. Однажды, под влиянием «силы», он объявил, что должен идти в Канцлерский Суд и там дать показание; и что за это показание он заключен будет в тюрьму. Он отправился не без опасений в Суд и простоял там три или четыре часа, но речь к нему не явилась, и он ушел в большом унынии.

Бэкстер отмечает, как странное обстоятельство, что, говоря по наитию, он часто мог отвечать на невысказанные мысли своих слушателей. Тот факт, что речи его разрешали религиозные затруднения других лиц, подобно тому, как ими были разрешены, как мы видели, и его собственные, не нуждается, пожалуй, в «сверхнормальном» объяснении. Но он приводит случаи, когда, встречаясь с приходившими к нему за советом посторонними лицами, он сообщал им о частных их делах такие сведения, что убеждал их в сверхъестественных своих способностях.

В позднейшем фазисе устами Бэкстера высказано было «ужасающее слово», что Господь предназначает его для духовного служения; что он должен расстаться с женою и семьей; и что по истечении сорока дней он получит духовные дары в полном изобилии. Неисполнение этого и других пророчеств; уклончивые ответы «речей» на вопрос о причине этого неисполнения; появление в собрании нечистых духов; тот факт, что один или двое из членов собрания уже раньше сознались, что их ввели в заблуждение лживые духи; и, наконец, разноречивый характер проповедуемых «в речах» доктрин, некоторые из которых, высказанные в «церкви» Эрвинга и подтверждавшие особенный взгляд его на природу физического тела Христа, казались «страшно ошибочными» Бэкстеру, – все эти соображения, подкрепленные влиянием жены Бэкстера, с самого начала менее всецело примкнувшей к новой вере и, естественно, не желавшей подчиниться авторитету некоторых из позднейших изречений – в конце концов убедили Бэкстера, что он был обманут. Но даже и тогда ему никогда не случалось сомневаться в сверхъестественном вдохновении речей; он заключишь лишь,

что источник их был демонический, а не божественный, как сперва предполагал.

По прочтении рассказа Бэкстера, сомневаться в его честности в этом деле невозможно. Импульс, очевидно, являлся у него без сознательной воли с его стороны, а слова – без подготовки: они «давались ему». По свидетельству и Эрвинга, и Бэкстера это была общая характерная черта речей. Некая мисс Т. признана была за лже-пророчицу и согласилась со справедливостью этого приговора, главным образом, потому, что два или три раза она обдумывала свои речи заранее. Речи часто начинались на «неведомом языке», переходя затем на английский, причем одни смотрели на английские слова, лишь как на заключение речи, а другие – как на объяснение всего предшествовавшего. Один из свидетелей описывает это следующим образом: «Неизвестный язык неизменно предшествовал (речи на английском языке), которая я сперва не понимал, потому что первый раздражался с удивительным и страшным грохотом, так внезапно и такими короткими фразами, что я редко оправлялся от потрясения до начала английских слов».

Другую характерную особенность речей было то, что фразы по-видимому почти всегда заимствовались из священного писания; то же бывало, как мы видели, и у Севенских пророков; и часто та же фраза повторялась по несколько раз. Что касается содержания их, то Бэкстер, в числе других характерных особенностей «силы», отмечает скрытность и нежелание подвергаться расспросам; уклончивость при требовании объяснения противоречий и неудач; вообще уничижительное отношение к разуму и восхваление слепой веры в авторитет; наконец – обнаруживавшая в речах дух жестокости и необычайной исключительности: вне маленького собрания изобличался и осуждался на гибель весь мир, под именем Вавилона и Мерзости Запустения.

Сказанного достаточно для настоящей нашей цели. Здесь нет необходимости защищать самопроизвольный характер речей или добросовестность говоривших по наитию. Никто,

по-видимому, не утверждает, чтобы неведомые речи были им с несомненностью признаны, а сам Бэкстер – того мнения, что они никакому языку не соответствовали, а представляли из себя лишь «смесь звуков».

Следует, пожалуй, отметить еще одну сторону этой странной вспышки. В нескольких случаях некоторые лица бывали, по их утверждению, одержимы злыми духами; присутствующие укоряли их и приказывали злым духам выйти из них. В одном подобном случае, о котором рассказывает Бэкстер, со слов Эрвинга и другого очевидца, «одержимый», освободившись от «речи», упал на землю, моля о помиловании, а позднее лежал «с пеною у рта и бился, как связанный бесноватый».

Как видно, все эти случаи представляют те же общие черты. Мы находим в них в высокой степени заразительную эпидемию, проявляющуюся в конвульсиях и экстазе, причем она истолковывается самим субъектом и зрителями различно, смотря по их предубеждениям и вере: то как демоническое, то как божественное одержание, а то и как обман. Более чудесные особенности: речь на иностранных языках, говорящему неизвестных; речь на неведомых языках; чтение мыслей – основываются на доказательствах, которые должны быть признаны за совершенно недостаточные.

С другой стороны, способность «одержимых» говорить необыкновенно бегло, а иногда и – на языках, с которыми знакомство их было, во всяком случае, весьма несовершенно, представляется вполне установленною. В истории спиритизма и заклинания духов мы встретимся со многими случаями подобного одержания, правда, менее бурного и продолжительного, но, по-видимому, столь-же самопроизвольного характера. В только что описанных случаях предполагаемое общение с духовным Миром – за исключением, быть может, Эрвингитов – наступало само собою. Существовали, впрочем, некоторые лица, искавшие подобного общения посредством магических напевов или путем кристалломантии.

Какие же всем этим явлениям можно дать объяснения? Объяснения тут трёх родов: религиозные, научные и магические. Рассмотрим коротко их все. Религиозное объяснение всех этих явлений основано на теории колдовства и одержимости духами.

«Чародей есть тот, который может делать или по-видимому делает необыкновенные вещи, превышающие силу нашего разумения или выходящие из обычного порядка природы, при сообществе злых духов. Эти необыкновенные вещи действительно происходят и вовсе не все – обман или самообман. Чародей служит орудием, но не действующей причиной явления; кажется, будто он совершает его, но совершает сие дух, иногда непосредственно, как в переносах и одержаниях, а иногда посредственно, помощью естественных сил, например, наводя болезнь, или употребляя чародея как орудие, и причиняя вред зрением или прикосновением. И всё это в силу договора между чародеем и злым духом».

Таково традиционное определение чародея церкви. Насколько верно оно по части участия злых духов с точки зрения самих магов, то мы оставим на более позднее рассмотрение. Естественно, многие колдуны сами верят в своих бесов-по-

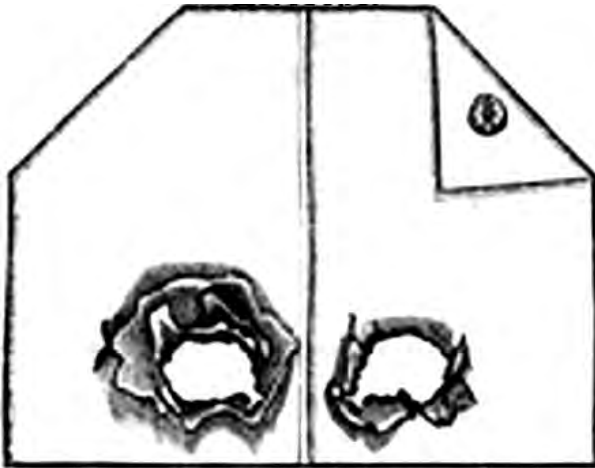
Магические знаки из Договора с Дьяволом

мощников, но мы знаем и то, что многие маги высшего ранга отрицают всякое участие духов, приписывая все феномены исключительно личной силе, указанных же духов объявляя мыслеформами и искусственно созданными элементами, порожденными самим магом.

Свидетельства в пользу колдовства распадаются на 4 главные рубрики: а) признания самих колдуний; б) подтвердительные данные из области ликантропии (оборотничества), привидений и т.д.; в) знаки на колдуньях; г) доказательства вреда, наносившегося жертвам колдовства.

а) Признания, как это общеизвестно, добывались по большей части посредством пыток или запугиванья пыткой, или ложных обещаний освободить подсудимую. Однако, существуют неопровержимые указания, что, помимо вымученных признаний, в некоторых случаях обвиняемые действительно сознавались, что они – настоящие колдуньи, и вина их была совершенно очевидна и доказана множеством свидетелей. Не мало лиц добровольно сознавались в занятии колдовством, ночных полетах, договорах с Чертом и т.д. Наиболее поразительные примеры таких добровольных признаний представляют дети. Мойрские дети (в Швеции) сознались (вместе со многими взрослыми) в договорах с бесом и ночных поездках в Блокулу, где они встречались с Чертом, плясали, пировали и предавались разным скучным, хотя несомненно дьявольским, развлечениям, – были менее счастливы. Если верить рассказу доктора Горнека, пятнадцать из них были казнены, а многие другие жестоко высечены. Но даже если рассказ самой колдуньи о ее чудесных проделках объясняется, как думают многие якобы кошмаром и воображением, то едва ли нужно сии же выходить за пределы объяснять диковины, описываемые другими лицами. В большинстве случаев, естественно, нет нужды предполагать для чудес Магии даже это основание, так как весомые доказательства (например, относительно оборотничества) – добыть практически невозможно. Когда же мы получаем описания из первых рук, и они подтверждены многочис-

ленными свидетелями, что случается весьма редко, то можно сомневаться в реальности таковых явлений, но отвергать их, иль приписывать болезни, как поступают наши ученые мужи, тоже недопустимо. Даже ежели в таких рассказах обыкновенно идет речь не о таких материях, как левитация или превращение зайцев в старух, а лишь о неясных образах, виденных в сумерках, или о необъясненном появлении черной собаки, уже стоит задуматься. А тем более, когда есть неопровержимые факты и улики. Подтвердительные свидетельства, на основании которых умерщвлены были Салемские колдуньи, состояли в значительной степени из заявлений различных соседей о том, что за 6, 8 или 14 лет до того свидетель, проснувшись, находил у себя в спальне фигуру обвиняемой, которая с яростью набрасывалась на него, и после этого исчезала; или – что (без обозначения времени) он увидел приближающуюся к нему черную свинью; или что его очень беспокоивали призрачные собачки, пробегавшие, играя, у него между ног. Этого хватило судьям, ним ученым этого явно маловато. Но даже если они лично столкнутся с такими явлениями, они не признают их реальность, но объяснить пожелают в рамках своих представлений – гипнозом, внушением, галлюцинациями, но только не правдой. Маги же не

Следы, оставленные Дьяволом в Договоре